

Вера Зубарева

Cherchez la rose, или А есть ли «роза дивная»?*

О, чего только не срифмуют поэты! «Розы-морозы», например. Даже Пушкин не устоял перед соблазном потрафить (в шутку, конечно!) читателю, ожидавшему этой заветной рифмы:

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы розы;
На, вот возьми ее скорей!)

(IV глава «Евгения Онегина»)

Шутки шутками, но какое отношение розы имеют к зиме? Вяземский в сатирическом посвящении В.А. Жуковскому, в частности, высмеивал и эту рифму, говоря о соотношении «между стиховой формой и мыслью»**:

Умел бы, как другой, паря на небеса,
Я в пляску здесь пустить и горы и леса
И, в самый летний зной в лугах срывая розы,
Насильственно пригнать с Уральских гор морозы.

Рифма «розы-морозы» трактуется Вяземским как «насильственно пригнанная», надуманная, идущая вразрез с законами природы. В то же время мы знаем, что Пушкин определил себя

* Полная версия статьи опубликована в «Новом мире» № 2, 2019.

** Л. Гинзбург. П.А. Вяземский. Вступительная статья. // П.А. Вяземский. Стихотворения. – Л., 1984, с. 43.

как поэт действительности, и для него, по словам Ю.М. Лотмана, «пошлы претензии на необычность».^{***} В чем же дело? Почему Пушкину важно было сохранить эту рифму уже не в шутовском стихотворении о «розе дивной»?

Стихотворение «Есть роза дивная», которое столько раз уже обсуждалось в критике, было написано Пушкиным неизвестно когда неизвестно кому и неизвестно зачем. Иными словами, дата написания, предмет посвящения и причина появления этих стихов до сих пор дебатуются. Как отмечает Н.Л. Дмитриева, «главный парадокс заключается в том, что невозможно точно определить время создания произведения, имеющего проставленную дату»^{****}. Наверняка лишь известно, что «Роза дивная...» была опубликована в 1858 году, то есть спустя 21 год после смерти Пушкина. Что же касается причины написания, то тут литературоведы явно находились под влиянием французов и воспользовались советом *cherchez la femme*. Поэтому в интерпретациях возобладало клише «роза – красотка – Пушкин». Например, Д.Д. Благой называл это стихотворение «блистательным мадригалом», и поиск той таинственной красавицы, вдохновившей Пушкина наподобие того, как Елизавета Киндякова вдохновила П.А. Вяземского на «Запретную розу», продолжается до сих пор.^{*****}

Упуская весь развернутый список исследований на эту тему, отметим главное: во всей этой занимательной истории с поиском женщины отсутствует сама дивная героиня – ее величество роза. Если о ней и говорят литературоведы, то лишь как об условности и довольно прозрачной метафоре «чувственной любви», «цветке Венеры»,^{*****} поэтическом клише французской поэзии XVIII в.^{*****} Но ведь не состязанием же с французскими

*** Ю.М. Лотман. Пушкин. – СПб., 2003, с. 54.

**** Н.Л. Дмитриева. Еще раз о стихотворении Пушкина «Есть роза дивная. Она...». // Пушкин и его современники. Сборник научных трудов. / «Нестор-История». Выпуск 5 (44). – 2009, с. 140.

***** См. Горчаков В.П. Выдержки из дневника об А.С. Пушкине // Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд. – СПб., 1998. Т. 1, с. 236.

***** Н.Л. Дмитриева. Указ. соч., с. 134.

***** Алексеев М.П. Споры о стихотворении «Роза». // Пушкин: Сравнительно-исторические исследования / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972, с. 349.

поэтами занимался Пушкин, создавая свою розу, и не литературоведческие же тонкости увлекали его в момент сотворения этого маленького шедевра! А что если неувядаемая роза – не плод воображения поэта? Что если она существует в действительности? Если да, то как это обогатит понимание смысла этих стихов? Пушкин ведь всегда и во всем следовал четкой концепции. Его муза «проясняла» ум поэта:

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум.

«Две символики розы встретились на почве русской народной поэзии, языческая и христианская», – писал Веселовский.* В общем и целом разнообразие пушкинских роз сводится к трем основным типам – природному, где роза увядает как всякое дитя природы («Роза», 1815), античному, как, например, в черновом наброске «Лишь розы увядают» (1825), и к стихам, где роза выступает как «дева», окруженная нимбом целомудренности («О дева-роза, я в оковах...», 1824).

Эволюция розы достигает своего расцвета в «Розе дивной», где наблюдается необычное соединение античной и христианской символики, но последняя присутствует в скрытом виде, ее образ закодирован. Ключ к коду Пушкин дает в определении розы как «неувядаемой».

Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза –
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза...

(III, 1; 52)

* А.Н. Веселовский. Избранное. На пути к исторической поэтике / Сост., послел., коммент. И.О. Шайтанова. – М.: Автокнига, 2010, с. 308.

С одной стороны, «роза дивная» благословлена Венерой. С другой, в отличие от своих элизийских подруг, она наделена признаками бессмертия. При этом бессмертие здесь явно не призрачного толка – это не блуждания «благовонных теней» над Летою. Это бессмертие *иное*, невиданное ранее, о чем свидетельствует эпитет «изумленная» по отношению к Кифере – острову, около которого была рождена Афродита (с ней позднее отождествляли Венеру). Стало быть, «неувядаемая роза» являет красоту, неведомую языческому миру.

Мороз становится своего рода проверкой и выявлением чудодейственных свойств розы. Его дыхание «мертвит» все сиюминутное, очищая поле зрения для созерцания вечного. И поновому начинает играть рифма «роза-мороза», над которой иронизировал Вяземский. В ней проявляется символика, связанная с Таинством.

Срифмованная с морозом, бессмертная роза уводит к зиме – времени Рождества Христова. Только вот не верится, что пушкинская роза это чистый символ наподобие «розы без шипов» Жуковского (1819). Пушкин не работал ни в манере Жуковского, ни в манере метафизической школы, чья поэтика выстраивалась вокруг значений и символов надмирного толка, не связанных с реалиями бытия. Его роза должна была иметь свой ботанический прототип, который и вдохновил бы Пушкина на размышления и сопоставления сакраментального толка.

Судя по признакам, на которые указывает Пушкин, описывая свою героиню, речь идет о «снежной розе», известной также как Роза Христа, Рождественская роза, или *Helleborus niger* (черный морозник). Это растение из семейства лютиковых, и с ним знаком любой ботаник. Черный морозник получил свое название по окраске корней. В Западной Европе у него есть еще одно название – «Рождественская звезда». Роза Христа цветет с декабря по февраль, и поскольку процесс цветения у нее очень плавно переходит в созревание плодов, то она никогда не выглядит увядающей. Разновидности ее могут быть довольно крупными с розовыми и даже темно-красными лепестками, что отражено и в пушкинской «румяной и пышной» розе.

Поначалу «Снежная роза» произрастала только в Южной и Центральной Европе, что объясняет метафору зимней Киферы и Пафоса в пушкинском стихотворении. Ее свойства были хорошо известны в Древней Греции, где из нее приготавливали снадобья и яд. А в России «впервые о морознике стало известно в XVIII в. Именно тогда академик П.С. Паллас, обследуя в конце века флору России, обратил внимание на выносливое растение, начинающее цвести во время еще не отступивших морозов».* *Helleborus niger* выращивают в умеренном климате как один из выносливых видов.** Пушкин мог видеть его в окрестностях Москвы или в другой области средней полосы России, в частности – в Псковской, где находилось его родовое имение в Михайловском, или в Нижегородской, куда он ездил в Болдино, и где по сей день выращивают *Helleborus niger*. Кроме того, черный морозник мог встретиться ему на Кавказе или в Молдавии.

Символика ботанического названия четко очерчивает границы пушкинской концепции. «Минутные розы» на острове Афродиты противопоставлены розе неувядаемой, как культура античности христианской культуре. Речь идет о победе эстетики христианства над эллинизмом, представленным в образе Венеры, благословившей «неувядаемую розу» как красоту духовную, одержавшую победу над античной красотой. Благословение в данном случае – это метафора преемственности по отношению к новому вероисповеданию: именно в эпоху эллинизма сформировался общегреческий язык койне, ставший впоследствии языком Нового Завета.

В контексте христианской символики «неувядаемая роза» ассоциируется с известной иконой Богородицы «Неувядаемый цвет», написанной в XVII веке в Греции (по одним источникам, на Афоне, по другим – в Константинополе).*** Основой образа Девы Марии послужили тексты византийских акафистов, где она сравнивается с неувядаемыми цветами. На иконе Пречис-

* Алевтина Корзунова. Морозник. Эл. книга. <https://www.litres.ru/alevtina-korzunova/moroznik/chitat-onlayn/>

** См. Анна Рубинина. Неприхотливые садовые многолетники – морозник. // Мир растений и деревьев | № 1 (82), 2015.

*** Об иконе в творчестве Пушкина см. Б.А. Васильев. Духовный путь Пушкина. – М., 1994.

тая Дева чаще всего изображается с белыми лилиями или розами. Нужно сказать, что русские иконописцы редко обращались к этому образу, поскольку он относится к греческому, а не византийскому письму. Однако словесный образ неувядаемого цветения как метафоры Богородицы присутствует в православных молитвах. В заключительной молитве из «Канона молебного Пресвятой Богородице, творение Феостирикта монаха» говорится: «О Мати Господа моего! Ты еси корень девства и неувядаемый цвет чистоты». Канон обычно читается либо дома, либо в храме перед св. причащением. Сомнительно, что Пушкин мог этого не знать, или, зная, не уловить своим поэтическим слухом созвучности своей «неувядаемой розы» с «неувядаемым цветом чистоты».

Таким образом, и география ботанической розы, и метафора «неувядаемого цвета» перекликаются с пушкинской розой, которая несет в себе предысторию, символизируя путь от красоты тленной, физической, воспетой язычеством, к красоте Неувядаемой, воспетой в христианстве. «Его обращение к античной мифологии было связано с тем, что он видел в ней замечательный источник поэзии и красоты», – пишет Феликс Раскольников в статье «Пушкин и религия».**** И тот же критерий поэзии переносится им и на христианство у Пушкина: «в Евангелии его, помимо нравственного и философского содержания, привлекала именно поэзия, или, как он выразился, «Божественное красноречие».***** А оно всегда концептуально и зиждется на сочетании Таинства, пронизывающего тварный мир, с конкретикой и жизненностью.

Филадельфия

**** Феликс Раскольников. Вопросы литературы, 2004, 3, с. 107.

***** Феликс Раскольников. Указ. соч., с. 106.